

АФГАНСКИЙ СИНДРОМ

Мы знаем поэта Василия Катанова, прежде всего, как хорошего детского поэта и еще как поэта, воспевающего свой родной край. И, действительно, в книге («Под русским небом», Орел, изд. общества «Книга», 1991г.) он предстает в привычном для себя и читателей жанре стихотворения. Однако в этой же книге В.М.Катанов выступает и в довольно редком для орловских поэтов жанре поэмы. Больше привлекает его поэма «Русское сердце» — печальная память об Афганистане.

Речь идет о трагедии не только страны, но, я знаю, и о личной, семейной трагедии Василия Михайловича — о гибели его зятя, выпускника знаменитого военного училища имени Верховного Совета России старшего лейтенанта Владимира Костромичева. И поэма «Русское сердце» пронзает своей человеческой болью, отцовским горем, воспринимается как слово о гибели русского человека. Где-то там, в миражах знойной пустыни, среди «горных духов» вспоминались лейтенанту родные люди, дом свой здесь, в серединной России... да, русский воин выполнял свой «интернациональный долг». Но что с того было семье, все нам, большой матери нашей России?..

Есть такое понятие у людей «эффект притяжения», это чувство любви друг к другу, к своей исторической родине. Есть чувство братского содружества, интернациональной солидарности. И это высокое гуманное чувство, сближающее, объединяющее, возвышающее. Но дело, видимо, в том, что в основу всего в Афганистане была заложена мина замедленного действия, и она, наконец, взорвалась, поразил русское сердце. Психологический «эффект притяжения» превратился в свою противоположность — «эффект отторжения». Последствия этого «афганского синдрома» мы все еще ощущаем и долго будем еще ощущать. Вот такие мысли и чувства рождает поэма Катанова. Новой гранью высвечиваются слова популярной некогда песни «Хотят ли русские Войны?» Хотят ли? Слишком страшна была плата за нее — человеческие жизни, самое ценное, что есть на земле. Вот об этом-то и говорит поэт старший друг погибшего на войне лейтенанта.

Я помню, как хоронили Володю Костромичева. За цинковым гробом, провожая его в последний путь, по одной из улиц родного Орла, потупя головы, шли родные, близкие, просто знакомые, просто русские люди.

Поэт вспоминает доблестные русские имена, земляков славного Костромичева - Ивана Сусанина, Минина, Пожарского, места боевой славы и человеческой горечи — Балканы, Халин-Гол, Варшаву.

*«Родной земли опора и основа -
Такие люди верностью сильны.
Мне кажется, мои Костромичевы
Из этой самой вышли старины.
Я знаю, чем печаль мою итожить».*

Вот вам и война в жажде мира. А совсем недавно, все в тех же пределах, на границе с Афганистаном, погибли сразу тридцать четыре пограничника, тоже русские парни.

*«И падал кто-то вновь на амбразуру,
Прикрыв собой товарищей своих».*

Вот так, общая для всех нас красная мятя проходит через русские семьи, через судьбы, особенно молодых. Не задумывались, нет, почему воюют в основном молодые? Что — завоевывать себе место под солнцем надо все тем же оружием? Что — молодых легче обмануть, повести куда-то, неизвестно за что? Но ведь человечеством придумано множество

способов того, как мирными путями обрести себя, это самое место под солнцем. И главный из них — стать человеком, личностью, специалистом, мастером любимого дела. И начинать это никогда не поздно, особенно молодым. К примеру, Эверист Галуа создал свою знаменитую теорию конечных полей в двадцать лет. М. Ю. Лермонтов в двадцать два года был отправлен в ссылку на Кавказ, где написал многие прекрасные произведения. Людей в возрасте до двадцати пяти лет более половины населения земного шара. И вот они-то, молодые, как раз и воюют! Надежда, перспектива земного сообщества — и так безумно тратятся людские ресурсы! А на другом полюсе жизни все тот же холод, голод, черная зависть и тьма. Говорят о мятежности молодого поколения, о необдуманных поступках, о моральной деградации, нравственном упадке. При этом одни упрекают наставников молодых в нагромождении теорий, концепций, которые заслоняют мир. Другие заискивают перед молодыми, чтобы склонить их к шовинизму, экстремизму. Третьи выдвигают доктрины типа «интернационального долга».

В Западной Европе имеется понятие «джентльмен», у нас, по-моему, отчасти соответствует такому слову, как «интеллигент». Так вот у русской интеллигенции, как и у ее достойной части — в военной среде, всегда было развито чувство долга, полученное по наследству, может быть, от дворянства. На каких струнах играли те, кто посылал «военного интеллигента» Владимира Костромичева чужие края на гибель? А потом таких объявляют героями. Мыслитель и критик Константин Леонтьев заметил однажды: «Везде было и всегда будет, народ рано или поздно идет за интеллигенцией; распинает ее, но потом все-таки идет за нею. Она же, интеллигенция, и призвана переживать за всех и за все». Интеллигенция примеряет на себе жестокую ношу. Известны семь грандиозных потерь нашего народа в двадцатом веке, и в этом всегда впереди оказывалась интеллигенция. К же не отразиться трагически этому на облике народа, не исказить его генотип? Чиновничество — это элита, отобранная по практическим способностям (Л. Анненский). Она всегда сориентирована на личный эмпирический успех, интерес. Настоящая интеллигенция тоже элита, но уже бескорыстная, высочайшего духа, это скорее духовное братство, созданное для переосмысления мира...

Такие размышления рождаются от встречи с лирическим героем В.М. Катанова в его поэме «Русское сердце». Судьба молодых - судьба страны, судьба Родины. Всему миру известны кадры кинохроники, когда Адольф Гитлер своей дряхлеющей дланью посылал подростков 13-14 лет на смерть в объявленной им «тотальной» войне, чтобы оттянуть срок своего конца.

А жестокий Молох требует все новой крови. Нескончаема нить оборванных жизней. Однако, будьте уверены, рано или поздно народ осуществит свою волю.

*«Пусть мирный день, играет в самоцветы,
Встает, погоду ясную судя» («Русское сердце»).*

Так хотят ли русские войны? Сколько же можно и до каких пор? В.М. Катанова — это не только скорбь поэта по русскому человеку, это отцовская боль по молодому поколению — по сыновьям, большая тревога за судьбу России. Не слишком ли много крови для одного народа в кровавом таком, уходящем от нас двадцатом столетии?

Золотарев, И. Афганский синдром / Игорь Золотарев // Золотарев, И. Русские идеалы (Книга о книгах) / Игорь Золотарев. — Орел, 2003. — С. 76-78.